

Жун Чжао, вспомнив, как Чжу Цзылин раз за разом обманывал его ожидания, лишь укрепился в своих подозрениях. Он бросил на Императора Юнсюаня взгляд, полный скрытого злорадства. Если отец попытается мерить этого юношу мерками обычных людей, его ждёт сокрушительный провал.

Императрица Цзян быстро вернула себе самообладание и с мягкой улыбкой произнесла:

— Видя ваше согласие, мы с вашим отцом-императором спокойны. Предсказание Астрономического управления оказалось поразительно точным. Однако... — она сделала паузу, сменив тон на более покровительственный: — Чжао-эр, ты уже не молод. Теперь, когда ты женат, пора подумать о продолжении рода. Цзылин — мужчина, поэтому тебе стоит заблаговременно позаботиться о наложницах, чтобы в доме были наследники.

Слова Императрицы были преисполнены мнимой заботы. Как дочь Левого канцлера и мать Юй-вана Жун Сюя, она обладала непоколебимым положением во дворе. Несмотря на то, что её отец, Цзо сян, фактически сосредоточил власть в своих руках, сама Императрица Цзян никогда не выказывала высокомерия. Она всегда держалась с безупречным достоинством, строго блюдя дворцовый этикет, что внушало окружающим глубокое уважение.

Хотя Его Величество редко баловал её вниманием как женщину, он относился к ней с почтением, неизменно считаясь с мнением супруги из-за её знатного происхождения и безукоризненной репутации. Предложение вполне соответствовало обычаям правящего рода, однако услышав его, Император Юнсюань помрачнел.

— Жун Чжао ещё молод, к тому же они только-только сыграли свадьбу. К чему сейчас заводить речи о наложницах? — нахмурившись, осадил её государь.

По его мнению, Ли-вану не стоило спешить. Пусть сначала ванфэй попробует «усмирить» его тяжёлый рок своей благоприятной судьбой. Иначе ни одна девица попросту не доживёт до входа в поместье.

Несмотря на упрёк мужа, Императрица Цзян не выказала ни тени смущения. Она лишь на мгновение замолкла, а затем кротко ответила:

— Ваше Величество правы, я не всё учла.

Наблюдая за этой сценой, Жун Чжао лишь презрительно усмехнулся:

— Императрице стоит заботиться лишь о делах в спальне отца-императора, а не лезть в мои, не так ли?

Улыбка застыла на лице женщины. Она сменила выражение лица на сокрушённое, глядя на пасынка так, словно была любящей матерью, столкнувшейся с неблагодарностью неразумного дитя.

Император Юнсюань, вскипев от столь дерзкого ответа, с силой ударил по подлокотнику трона:

— Замолчи! Что за речи ты себе позволяешь?!

Вскочив, он в ярости прикрикнул на сына:

— Императрица — твоя мать, и её долг — направлять тебя в вопросах брака! К тому же она печётся о твоём благе, желая, чтобы у тебя поскорее появились наследники. Что это за отношение?!

Жун Чжао лишь холодно фыркнул. Устремив на отца взгляд бездонно-чёрных глаз, он с иронией произнёс:

— Неужели отец-император полагает, что моё согласие на этот брак даёт право любому встречному помыкать мною?

Лицо государя пошло багровыми пятнами. Он не нашёл, что ответить. Император всегда недолго любил этого сына — «звезду бедствий», погубившего мать и невест. Он предпочёл бы вовсе не видеть его, но двенадцать лет назад, последовав совету отправить двенадцатилетнего принца на фронт, невольно совершил ошибку. Вместо того чтобы погибнуть, Ли-ван прибрал к рукам военную власть на северо-западе, заслужив в войсках непререкаемый авторитет.

Северные Ди постоянно тревожили границы, а в столице не было полководцев, способных сравниться с Жун Чжао. Он стал «столпом» империи, и Император не мог позволить себе разгневать сотни тысяч воинов, преданных своему князю. Ему приходилось терпеть дерзость сына, но сейчас тот обнажил его бессилие прямо в лицо.

Тяжело дыша от гнева, Юнсюань резким движением смахнул чайную пиалу со стола и взревел:

— Прочь! Убирайся с моих глаз!

— Слушаюсь.

Лицо князя осталось бесстрастным. Не удосужившись даже поклониться, он развернулся и зашагал к выходу. Пройдя половину пути, он вдруг остановился и обернулся к Чжу Цзылину.

— Что застыл, как истукан? Живее! — раздражённо бросил он.

Чжу Цзылин, с любопытством наблюдавший за семейной сценой, поспешно отвёл взгляд и молча последовал за супругом, также проигнорировав прощальный поклон.

«И зачем только он затеял этот спор? — юноша, хоть и не питал к Императору симпатии, невольно посочувствовал ему. — Ведь ванъе всё равно не способен на близость. Глупо ссориться из-за наложниц и детей с тем, кто в этом вопросе — пустое место»

Жун Чжао пребывал в дурном расположении духа. Заметив, как в глазах супруга мелькнуло лукавство, будто тот вспомнил нечто забавное, князь прищурился.

— О чём таком весёлом размышляет ванфэй? — вкрадчиво осведомился он.

Чжу Цзылин на миг замялся.

— Думаю о том, что произошло в зале.

«И что в этом смешного?» — князь нахмурился. В голове его мелькнула неприятная догадка.

Неужели этот малый поверил словам Императора? Поверил, будто Жун Чжао сам выбрал его и жаждал этой свадьбы? И отпор, данный Императрице, он наверняка расценил как нежелание делить ложе с кем-то ещё. При виде безмятежной улыбки юноши Жун Чжао почувствовал острый укол раздражения.

— Я не просил Императора об указе, — холодно отрезал он, отвернувшись.

— А? — Чжу Цзылин растерянно моргнул. Не до конца понимая причину такой резкости, он лишь неуверенно протянул: — О...

Князь мельком взглянул на него. Заметив, что юноша заметно приуныл, он, помолчав, добавил тем же ледяным тоном:

— И я вовсе не давал обещания, что никогда не возьму наложниц.

На этот раз смысл слов дошёл до Чжу Цзылина мгновенно, вызвав у него искреннее недоумение.

«Зачем ему наложницы? Для красоты?»

Впрочем, юноша тут же спохватился. Пусть в прошлой жизни ванъе не занимался подобной показухой, но в этой всё могло измениться. Раз уж он взял «мужа-супругу» для отвода глаз, почему бы не добавить в коллекцию ещё пару-тройку декоративных элементов? Эта мысль не

на шутку встревожила Чжу Цзылина. По правде говоря, ревность была ему чужда, но...

А что, если новая «декорация» окажется хитрее и усерднее? Что, если она очарует князя настолько, что тот решит урезать паёк законному супругу в пользу любимицы? Или вовсе запретит ему приходить на совместные обеды?

«Нет, так дело не пойдёт»

— Ванъе... — Чжу Цзылин открыл было рот, чтобы отговорить его от этой затеи, но вовремя понял, как глупо это прозвучит. Сменив тактику, он спросил: — Если вы всё же решите взять наложниц... вы же можете пообещать мне, что не станете баловать их в ущерб законному супругу?

Жун Чжао промолчал.

Он ожидал разочарования или обиды, но реакция супруга вновь поставила его в тупик. Юноша не злился — он всерьёз беспокоился о «притеснении законного супруга»? Взгляд князя стал сложным. Помолчав, он произнёс:

— У меня пока нет планов брать наложниц. Можешь не беспокоиться.

Услышав это, Чжу Цзылин мгновенно расслабился. Раз сейчас планов нет — и ладно.

«А со временем, когда мой иньн окрепнет, я, глядишь, и вовсе научусь контролировать Жун Чжао так, чтобы он сам отдавал мне всё самое вкусное»

Князь и не подозревал, какие коварные мысли роились в голове его спутника. Видя, как юноша просиял, узнав об отсутствии соперниц, Жун Чжао помрачнел ещё сильнее, но больше ничего не сказал.

По возвращении в поместье князя Ли князь, сославшись на срочные дела, сразу ушёл. Чжу Цзылина же проводили в его покои. Спустя совсем немного времени в комнату вбежал Чжоу Шэн.

— Молодой господин! — при виде хозяина слуга едва не разрыдался.

Чжу Цзылин не ожидал, что Жун Чжао так быстро исполнит своё обещание. Помимо Чжоу Шэна, князь прислал и двух служанок, которых госпожа Ху навязала ему в приданое — Хунсяо и Люйланы.

— С вами всё в порядке?! — причитал слуга. — Вчера, как только мы прибыли, нас сразу заперли. Я спрашивал о вас, но эти люди и слова не проронили! Я глаз не сомкнул, боялся, что

с вами что-то случилось, а они скрывают...

Хунсяо и Люйланы со страхом в голосе поддакивали:

— Да, нас допрашивали по нескольку раз, мы с ума сходили от тревоги...

Разумеется, они переживали вовсе не за молодого господина, а за свои собственные шкуры, гадая, не собирается ли Ли-ван казнить их всех скопом. Бросив на девиц короткий взгляд, юноша ответил:

— Я в норме, всё хорошо.

Чжоу Шэн вытер слёзы. Несмотря на заверения хозяина перед свадьбой, тот не мог не волноваться. Очутиться в доме столь грозного человека и не иметь вестей о близком человеке — испытание не из лёгких.

— Идите пока в наружные комнаты, — распорядился Чжу Цзылин, спроваживая лишних свидетельниц. — Я позову вас позже.

Хунсяо и Люйланы переглянулись. Им явно не хотелось уходить, но они понимали, что молодой господин желает поговорить с Чжоу Шэном наедине. Не имея права голоса, они послушно удалились.

— Неужели всё и вправду хорошо? А Ли-ван... он вчера... — слуга замялся, не зная, как спросить.

Юноша сразу понял, к чему тот клонит.

— Ты хочешь знать, была ли у нас брачная ночь? Нет, не было.

— Не было... — Чжоу Шэн расстроился ещё сильнее.

Он всегда мечтал, что Чжу Цзылин женится на нежной красавице, и брак с мужчиной считал трагедией. Но раз уж это случилось, отсутствие близости означало лишь одно: Ли-ван не жалуется своего супруга. Как же тогда юноше выживать в этом поместье?

— Вы хоть не голодали эти дни? — сокрушённо спросил слуга.

Не так давно Чжу Цзылин случайно упал в ледяную воду. После этого он пролежал в беспомысленности с сильным жаром, и когда наконец пришёл в себя, у него появился странный недуг — неутолимый голод. В поместье министра шептались, что в юношу вселился голодный

демон, но Чжоу Шэн, выросший бок о бок с хозяином, хоть и видел перемены, узнавал в нём прежнего господина. Поначалу он пугался appetитов хозяина, но убедившись, что тот не страдает от избытка еды, просто решил, что организм Чжу Цзылина теперь работает быстрее. Тот требовал еды почти постоянно, и границы между завтраком и обедом стёрлись.

Если Ли-ван недолюбливает супруга, разве позволит он ему есть вдоволь?

— Вполне, я почти не чувствовал голода, — припомнил юноша. — Повара здесь отменные.

— Правда? — Чжоу Шэн внимательно осмотрел господина. Тот не лгал: будь он голоден, он бы не сидел так спокойно. — Слава богу... А Ли-ван... он очень страшный? Он не обижал вас?

Чжу Цзылин покачал головой.

— Вовсе не страшный. — Перед его мысленным взором вновь предстало лицо, которое не раз оказывалось в опасной близости. — Я бы сказал, он очень красив.

— Что? — слуга опешил.

— И с ним вполне можно договориться, — добавил юноша. На все его просьбы князь неизменно отвечал согласием.

Конечно, характер у Жун Чжао был скверный — он вечно пытался его запугать или обмануть, но юноша не стал говорить об этом, чтобы не волновать Чжоу Шэна. Сам же Чжу Цзылин уже думал о другом.

— Кажется, управляющий говорил, что я могу заказывать на кухне всё, что пожелаю? — он погладил свой уже не такой полный животик. — Пойду-ка я на разведку. Кажется, я начинаю хотеть есть.

Не успел слуга опомниться, как юноша раздал указания:

— Ты по-прежнему мой личный слуга. А те двое снаружи... если хотят остаться, пусть идут в прачки или на чёрные работы.

С этими словами он лёгкой походкой направился к выходу.

— Пойдите, молодой господин!..

Но Чжу Цзылина было не остановить. Он кликнул невесть откуда взявшегося человека и велел вести его на кухню. Аньвэй, которого в очередной раз так легко обнаружили, уже привык к

странностям хозяина и покорно повёл его за собой.

Чжоу Шэн же, вспомнив, как после пробуждения от горячки господин ворвался на кухню в поместье министра и смёл всё готовое, включая солёную рыбу и вяленое мясо, в ужасе схватился за голову. Если он устроит такое и здесь, их вышвырнут из поместья Ли в тот же миг...

Впрочем, опасения слуги были напрасными. Тогда Чжу Цзылин ещё не осознал, что переродился, и действовал на инстинктах из времён апокалипсиса. Теперь же, убедившись, что еды в этом мире в достатке, он стал куда сдержаннее. За исключением огромного аппетита, он вёл себя вполне пристойно. Более того, возможно, из-за того, что в ночь свадьбы он переел сладостей, теперь юноша мог сдерживать себя и довольно долго не есть, если не чувствовал сильного голода. Прямо как сейчас. Конечно, это «довольно долго» на данный момент не превышало времени горения двух палочек благовоний.

Достигнув кухни, Чжу Цзылин столкнулся с новым управляющим, который, прознав о его визите, поспешил навстречу. Несмотря на то, что ванфэй не подобало ошиваться в таких местах, после вчерашней порки предыдущего работника никто из челяди не смел проявлять неуважение.

— Ничтожный Дэн Жун приветствует ванфэй, — слуга отвесил низкий поклон и с заискивающей улыбкой спросил: — Чем обязаны вашему визиту?

— Я просто осматриваюсь.

— Но... — Дэн Жун замялся. — На кухне сейчас суматоха и грязь. Стоит ли вам, особе столь высокого достоинства, заходить сюда?

Повара вовсю трудились над обедом, и им было вовсе не до праздного гостя. Заметив его нежелание, Чжу Цзылин твёрдо повторил:

— Я посмотрю сам, не нужно меня опекать.

Управляющему ничего не оставалось, как с кислым мином повести его внутрь. Кухня поместья была огромной: отдельные цеха для холодных и горячих блюд, мясных деликатесов и выпечки. Десятки поваров и подмастерьев суетились, чистили и резали.

— Сейчас мы готовим обед для вангэ и для вас. Супы уже томятся, горячие мясные блюда требуют времени, поэтому за них взялись в первую очередь. Холодные закуски и овощи готовятся быстро, их мы подадим перед самым выносом...

Дэн Жун давал краткие пояснения, пока Чжу Цзылин разглядывал продукты. Ароматы кипящих бульонов кружили голову, и аппетит юноши разыгрался не на шутку.

— Что мне подадут на обед? — не удержался он от вопроса.

Управляющий на мгновение замер и поспешно ответил:

— Для ванфэй положено двенадцать перемен: три основных блюда, три овощных, три мясных или наваристых супа и три вида закусок или сладостей. Для ванье же — шестнадцать перемен, и каждое из них по качеству выше...

— Постой! — перебил его Чжу Цзылин, широко распахнув глаза. — Хочешь сказать, нам накрывают раздельно? У ванфэй двенадцать блюд, а у ванье — шестнадцать? И они лучше моих?

— Д-да... — Дэн Жун был в замешательстве. Разве могло быть иначе?

Юноша совсем позабыл об этом. В обычных домах на такие тонкости этикета не смотрели, и он полагал, что раз ванфэй по рангу равен князю, то и кормить их должны одинаково. Вспомнив слова Ван Сяньхэ о том, что он может заказывать что угодно, Чжу Цзылин поначалу хотел обедать у себя, чтобы не сталкиваться с «причудами» Жун Чжао. Ведь каждая встреча заканчивалась тем, что князь хватал его то за подбородок, то за талию.

Но теперь, узнав о вопиющей несправедливости в меню, Чжу Цзылин понял: отступить нельзя. У Жун Чжао не только больше блюд — наверняка и повара для него стараются усерднее, используя лучшие продукты. Юноша в тот же миг принял бесповоротное решение.

Отныне он станет незаменимым семнадцатым яством за каждым обедом Жун Чжао!

<http://bllate.org/book/15829/1428143>